

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В IV ВЕКЕ ДО Н.Э.

Античные города и поселения понтийского побережья от времени их основания и до момента становления сформировали в этом регионе несколько географически близких районов, экономическая жизнь которых развивалась очень схоже, а иногда и просто совершенно одинаково. Территориальная и экономическая близость развития отдельных районов позволила осуществить экономико-географическое районирование античного Причерноморья¹. Образование экономико-географических районов на понтийских берегах (и прежде всего в Крыму) происходит лишь после завершения формирования территориальных границ Херсонесского государства, Боспорского царства и, отчасти, Ольвийского государства². Окончательному оформлению этих границ предшествовали военные конфликты и вооруженные столкновения, которыми в избытке насыщена вся крымская история конца V - IV в. до н.э. Рассмотрим динамику становления территориально-государственных границ античных государств Крыма, начав с восточной части полуострова.

Первые десятилетия IV века до н.э. связаны с затяжным противостоянием Феодосии и Боспора, экспансионистская политика правителей которого была направлена на полное подчинение Феодосии. Вольнолюбивые настроения феодосийцев активно поддержала Гераклея Понтийская и принявшей сторону своей метрополии молодой дорийский Херсонес³. Гераклея оказывает весьма активное содействие Феодосии в ее стремлении отложиться от Боспорского царства. Ход связанных с этим событий достаточно подробно изложен в первую очередь в письменных источниках и достаточно хорошо разработан⁴. В последнее время появились новые археологические данные, весьма обоснованно характеризующие Феодосию как город, имеющий обширную и успешно эксплуатируемую сельскохозяйственную территорию.

Разведками и раскопками последних лет установлено, что наряду с примыкающей к городским оборонительным стенам ближней хорой в 300-400 га, в структуру сельской территории входила и равнинная часть северо-восточного Крыма⁵. Здесь открыто 14 неукрепленных поселений V века до н.э., которые вместе с ближней хорой составляли сельскохозяйственную базу независимой Феодосии⁶.

Пока еще не совсем ясен статус населения феодосийской хоры. Скорее всего в основной своей массе это были осевшие на землю скифы. Во всяком случае археологические комплексы этих поселений в основном скифского облика с очень сильными следами эллинизации⁷. Можно лишь предположить, что система взаимосвязей эллинов Феодосии и переходящих к оседлой жизни скифами феодосийской хоры строилась по тем же принципам, что и аналогичные отношения между ольвиополитами и населением ее хоры⁸. Хотя нельзя и исключать возможности построения этих отношений по примеру их организации между гераклеотами и маринданами или херсонесцами и таврами, когда зависимое или полузависимое аборигенное население используется в качестве дешевой рабочей силы на сельскохозяйственной территории⁹. Но пока это только гипотеза. Ясно лишь одно, что Феодосия обладала мощной сырьевой базой по производству товарного зерна. За возможность обладания этой аграрной территорией могла бороться Гераклея Понтийская (а вместе с ней и ее колония Херсонес) оказывая помощь Феодосии и поддерживая ее сепаратистские настроения. Одним из элементов этой поддержки явился чекан на херсонесском монетном дворе специальных монетных выпусков Феодосии с заимствованными из гераклеиско-херсонесской нумизматики монетными типами (Табл. I, № 2-4).

Многие детали военных событий, разворачивающихся вокруг Феодосии в начале IV века до н.э., до сих пор плохо известны. Но есть все основания полагать, что участниками конфликта были не только Херсонесское и Боспорское государства, но и еще один крупнейший греческий полис северпричерноморского региона - Ольвия. Недавно опубликован новый эпиграфический документ из ольвийских раскопок последних лет, содержащий дополнительные новые сведения о некоторых существенных деталях конфликта и роли Ольвии в этой всеобщей (как теперь проясняется) северпричерноморской войне.

Речь идет о найденной в 1991 году в Ольвии надписи, текст которой содержит два важнейших связанных между собой государственных документа, высеченных одной рукой, - почетный декрет

и государственный договор (Табл. I, № 1). Важность этого документа для изучения интересующей нас проблемы дает нам право еще раз воспроизвести его текст в переводе Ю. Г. Виноградова¹³:

"Ольвиополиты Сатира (сына Спартока) делают своим сражданином, и (его самого и) потомков, и благодетелем и даруют ему самому и потомкам беспощадность на все (товары) и право (входа) и выхода из гавани и в военное и в мирное время без права захвата и без необходимости заключения особого договора".

"С добрым счастьем! Соглашение ольвиополитов и Левкона (сына Сатира). Быть им друзьями по отношению друг к другу. (Если кто-то) будь то эллин, (будь то варвар, пойдет войной на землю ольвиополитов, да поможет Левкон всеми силами ..."

Издатели памятника совершенно справедливо считают, что лицом, чествуемым декретом, начертанным в верхней части камня, был Сатир, а партнером ольвиополитов в договоре, занимающем нижнюю часть плиты, выступает его сын Левкон - два знаменитых представителя известной боспорской династии Спартокидов. Оба документа датируются в достаточно узких хронологических рамках, от 392 до примерно 380 г до н.э. При этом декрет в честь Сатира точно датируется четырьмя последними годами его единоличного правления, т.е. 392-389 гг. до н.э. Дата надписи из Ольвии полностью совпадает со временем событий, разворачивающихся вокруг Феодосии¹⁴. Есть все основания полагать, что появление ольвийских дипломатических документов было связано с этими военными событиями и той ролью, которую играла в них Ольвия.

Весьма вероятно, что расплатой за невмешательство Ольвии в феодосийский конфликт могло быть получение согласия или, скорее, одобрения Спартокидами вторжения ольвиополитов в Северо-Западный Крым. Не исключено и оказание влияния со стороны Боспора на правителей Скифской державы по ослаблению скифского протектората над Ольвией. Стремительная территориальная экспансия и закрепление ольвиополитов в Северо-Западном Крыму создавали мощнейший противовес в тылу у херсонеситов и отвлекали силы дорин с театра военных действий под Феодосией. Поддержка боспорским тираном действий ольвиополитов была отмечена рядом неординарных почестей, изложенных в тексте декрета. Несколько лет спустя ольвиополиты заключают договор о дружбе и военной взаимопомощи с завершившим военную феодосийскую кампанию Левконом и помещают оба документа на одном камне. Этот договор на время нейтрализовал силы Херсонеса, сконцентрировав их на защите собственных границ. Обеспечение безопасности от возможных притязаний западного эллинского соседа давало возможность правителям Боспора присутствовать к завоеванию земель, лежащих к востоку от Боспора Киммерийского.

События вокруг Феодосии, на наш взгляд, следует рассматривать как глобальную военную катастрофу, охватившую все Северное Причерноморье и прямо или косвенно повлиявшую на судьбы народов, населявших эту часть античного мира. Особенно сильны были потрясения, связанные с этой войной, для городов Боспора. Так, акрополь Нимфея обносится оборонительной стеной, сооруженной в первой четверти IV века до н.э. Возведение новой линии обороны поверх предшествующей застройки несколько уменьшает площадь акрополя, имевшего в конце V - первой четверти IV в. до н.э. очень плотную застройку. За пределами новой городской стены остается площадь, некогда занимаемая "святилищем Афродиты" и примыкавшими к этому комплексу террасами с вымостками и подпорными стенами. Не попадает под защиту новых крепостных сооружений и так называемое "святилище Кабиров"¹⁵. Многочисленные разрушения и пожары в Нимфее происходят на рубеже первой-второй четвертей IV в. до н.э. и, несомненно, являлись следствием походов Левкона I против Феодосии. Аналогичные пожары и следы разрушений этого времени прослеживаются и на других памятниках Европейского Боспора, и прежде всего - в Мирмекии. Постройки, расположенные в западной части городища, погибают в мощном пожаре, охватившем этот городской район примерно во второй четверти IV века до н.э. и связанном, на наш взгляд, с Феодосийской кампанией¹⁶.

Оборонительные мероприятия, проводимые на территории Боспорского царства, имели, по всей видимости, общегосударственную значимость. Новейшие археологические полевые изыскания крымских археологов на Узунларском вале позволяют достаточно точно определить время проведения крупномасштабных работ по его укреплению. Из нескольких шурфов, перерезавших вал поперек и заложённых в различных его частях, был получен археологический материал, не выходящий за рамки первой трети IV века до н.э.¹⁴ Видимо именно в это время проводятся работы по

укреплению Узунларского вала, который должен был обеспечить защиту территории современного Керченского полуострова от возможного вторжения в его пределы вероятного противника. Мы склонны полагать, что вся система мер оборонительного характера, осуществленная правителями Боспора в первые десятилетия IV в. до н.э., была связана с военной угрозой. Для боспорских тиранов это был вопрос жизни или смерти. Победа в этой войне давала им не только реальную возможность укрепления западных границ государства, но и ослабляла позиции здесь дориев - гераклеотов-херсонеситов. Подчинение непокорной Феодосии ликвидировало последний оплот оппозиции. В Феодосии могли найти приют потомки свергнутой династии Археактидов, организовавшие выступления населения против центральной власти и разорение боспорской хоры¹⁵. Накал политических страстей был столь велик, а военные события вокруг Феодосии развивались в таком русле, что привели к вооруженному противостоянию сил, для ликвидации которого использовалась вся система мер как военного, так и дипломатического характера. Во всяком случае, весь комплекс неточников, имеющих на сегодняшний день - нарративных, эпиграфических, палеоэтнографических и археологических, каждый по-своему, отражают это неординарное событие в истории античного Причерноморья.

С завершенiem феодосийской кампании закончилась первая фаза территориального оформления границ греческих государственных образований в Крыму. В дальнейшем это направление деятельности античных полисов Таврики развивалось в каждом из них по-своему. Одержав победу над независимой Феодосией и подчинив ее, Боспорское царство окончательно оформило границы европейской части государства. С этого времени острие захватнической деятельности правителей Боспора перемещается на азиатские берега Понта, где разворачиваются крупномасштабные действия по завоеванию и подчинению скифо-меотских племен и их земель. После феодосийских батальей Херсонесское государство концентрирует свои усилия на захвате земель в западной части Крымского полуострова и организации здесь своей хоры.

Но созданию хорошо организованной структуры херсонесской хоры предшествовал период, в который практически вся херсонесская экономика целенаправленно закладывала экономическую основу будущего могущества полиса, опирающегося на развитие сельскохозяйственного производства. Это был период своего рода "первоначального накопления средств" за счет прибыли, получаемой херсонеситами от торговли в основном с греческими полисами. В первые десятилетия IV в. до н.э. основой экономики Херсонесского государства была транзитная морская торговля. С этой целью устраивается городская гавань в Карантинной бухте. Используя удобное и выгодное географическое расположение города на пересечении основных морских путей, херсонеситы превращают свой порт в узловую перевалочную базу морской торговли не только между территориями южного и северного побережья Понта, но и всего Восточного Средиземноморья. Археологические слои Херсонеса этих первых десятилетий IV века более чем красноречиво присутствуют о торговой направленности его экономики. Археологические комплексы Херсонеса этого времени на более, чем 90% состоят из импортных материалов и прежде всего - амфор, в том числе и клейменных¹⁶.

В этот период местное керамическое производство в Херсонесе было еще недостаточно развито и обеспечивало только самые насущные хозяйственные проблемы. Для выполнения этой простой жизненной задачи вполне достаточно было лепной посуды, изготавливаемой в городе. Судя по немногочисленным находкам лепной посуды в херсонесских слоях этого времени, это была достаточно примитивная кизил-кобинская керамика и керамика скифского типа¹⁷. Надо полагать, что в составе населения столь раннего для дорийского полиса времени присутствовали местные северо-причерноморские этнические элементы, носители этого типа лепной керамики. Напомним, что, как правило, лепная посуда в греческих городах изготавливалась в домашних условиях и занималась ее изготовлением в основном женщины¹⁸. Можно осторожно предположить, что основная масса лепной керамики Херсонеса производилась женщинами-аборигенками, взятыми в жены первопоселенцами - основателями Херсонеса, прибывшими из Гераклеи Понтийской в 528 году до н.э. Не исключено, что первые потомки этих браков сохраняли еще в своей памяти некоторые элементы местных этнических традиций, проявляющиеся в лепной керамике. Традиция копировать элементы кизил-кобинской керамики при изготовлении лепной посуды жила в Херсонесе достаточно долго, во всяком случае, на протяжении всего IV века до н.э.¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об организации херсонесской хоры, мы исходим из того,

что в каком бы регионе Крыма эти действия не разворачивались, они всегда носили общегосударственный характер. Создание мощной аграрной структуры затрагивало коренные интересы полиса, являлось основой его экономического процветания и благосостояния его граждан. Не случайно основные события не только экономической, но и политической жизни Херсонесского государства в классическое и раннеэллинистическое время разворачивались, в основном, на херсонесской хоре или были с ней связаны. На наш взгляд, именно по этой причине государство осуществляло строгий контроль за всем, что происходило на херсонесской хоре, начиная с самых первых шагов в ее организации.

После завершения событий под Феодосией, по еще в первой трети IV века до н. э., херсонеситы приступают к активным действиям по организации собственной хоры, выбран первоначально для этих мероприятий Маячный полуостров, расположенный в северо-восточной части Гераклейского полуострова. Создание аграрной системы на Маячном полуострове осуществлялось на основе финансовых средств, получаемых полисом от транзитной морской торговли. В это же время в Херсонесе происходил стремительный рост городского населения за счет притока в город потерпевших поражение демократов, изгнанных из метрополиса после установления в Гераклее тирании Клеарха²⁰. Не исключено, что быстрый рост избыточного населения и необходимость обустроить жизнь новых граждан полиса послужили причиной, ускорившей активные действия по организации хоры на Маячном полуострове.

Межеванию на наделы земель Маячного полуострова предшествовало, по всей видимости, изгнание с его территории местного оседлого аборигенного населения, проживавшего доселе здесь²¹. Вероятно, это была обычная практика организации собственной хоры для дорийских полисов. Во всяком случае, аналогичное изгнание с насаженных земель мариандинов было осуществлено в херсонесской метрополии Гераклее Понтийской при создании ее хоры²². Затем осуществляется комплекс аграрных мероприятий, включающих межевание всей площади полуострова на 30 земельных площадей, на которых разместилось около 100-индивидуальных участков²³. Созданная аграрная система находилась под защитой небольшого укрепленного городка (т.н. "Страбонес Херсонес"), расположенного на узком перешейке в южной части полуострова²⁴. Вполне вероятно, что это крохотное греческое поселение возникло еще в архаическое время, а после сооружения в первой четверти IV века достаточно мощных оборонительных стен превратилось в защитный форпост вновь созданной аграрной системы²⁵. Расположение укрепленного городка на перешейке, географически доминирующем над всей территорией Гераклейского полуострова, давало возможность осуществлять сторожевые, охранные и защитные функции вновь созданной аграрной системы херсонесской хоры.

Трудно судить о культурах, возделываемых на Маячном полуострове в этот ранний период. Можно лишь предполагать, что ведущее место, наряду с другими культурами, занимало виноградарство. Во всяком случае, после включения во второй половине IV столетия земель Маячного полуострова во вновь созданную единую структуру херсонесской хоры всего Гераклейского полуострова, виноградарство становится монокультурой²⁶. Важно то, что с организацией системы земледелия на Маячном полуострове Херсонес начинает активно создавать собственную сельскохозяйственную базу. С этого момента аграрно-сырьевая направленность на долгие годы становится фундаментом его экономики. Заботы о расширении хоры, ее защите и совершенствовании агротехнических мероприятий, проводимых на ней, становятся центральным звеном политики полиса по укреплению экономического могущества государства и процветания его граждан в классический и эллинистический периоды.

Дальнейшие действия херсонеситов по увеличению земельных владений государства перемещаются в западные районы Таврики. Здесь еще с архаического времени существует и успешно развивается понтийская Керкинттида²⁷. В конце VI-V вв. до н. э. историческое развитие всего Северо-западного Крыма происходило в том же русле, что и развитие Нижнего Побужья, и эта территория Таврики входила в зону ольвийского влияния²⁸. У нас нет данных о системе взаимоотношений между Ольвией и Керкинттидой в первой половине IV века. Вероятнее всего, независимый полис Керкинттида владел небольшой хорой, непосредственно примыкающей к городскому центру, а земли основной части Тарханкутского полуострова находились под властью ольвиополитов. Не упускали из поля зрения этот район Крыма и доряне. Смелая точка зрения С.Ю. Саврикина о воз-

никновении городища Чайка как гераклеидской фактории не лишена определенной привлекательности³⁰. Если согласиться с этим, то Чайка на первых этапах своего существования могла быть пограничным рубежом между владениями ольвиополитов и керкинитов, а впоследствии стать опорной базой херсонесцев при завоевании ими земель Северо-Западного Крыма.

Присутствуя к экспансии в этом районе Тавриды, Херсонес столкнулся с интересами двух независимых греческих полисов - Ольвии и Керкинитиды. Мы не склонны безоговорочно принимать факт существования какой-то "неизвестной войны" между Херсонесом и Ольвией около середины IV века до н.э. за обладание Северо-Западным Крымом, хотя и полностью ее не исключаем³¹. Некоторые источники заставляют усомниться как в проведении широкомасштабных военных действий³², так и в охлаждении ольвиинско-херсонесских связей в этот период³³. Вероятно, установление херсонесского владычества различными методами. Поселение Панское I было захвачено херсонеситами в результате прямых военных действий, с которыми, несомненно, связан мощный слой пожара, прослеженный на памятнике³⁴. По-иному происходило подчинение Херсонесом Керкинитиды. В середине IV века до н.э. в Керкинитиде проводится капитальная реконструкция системы оборонительных сооружений, отвечающая всем новейшим принципам античной полуректики³⁵. Укрепление крепостных сооружений было продиктовано вероятностью военного захвата Керкинитиды Херсонесом, активизировавшим свои действия в Северо-Западном Крыме. Однако археологические источники повествуют о том, что подчинение полиса Керкинитиды вряд ли было результатом военных действий херсонесцев. Здесь не прослеживаются разрушения оборонительных стен, не выявлены следы пожаров, штурма или осады. Вероятно херсонеситы применили тактику, популярную у эллинов еще со времен понтийской экспедиции эскадры Ламаха³⁶. Разрушив хору керкинитского полиса, херсонеситы вынудили граждан Керкинитиды заключить неравноправный политический союз (симполитию), лишив независимости городскую общину, полностью включив ее в состав херсонесского полиса. Впоследствии особая роль Керкинитиды в составе Херсонесского государства выражалась в предоставлении ей в особых случаях кратковременного права чеканки собственной монеты. С подчинением Керкинитиды, Херсонес полностью завоевывает Северо-Западный Крым, ознаменовав завершение этого процесса чеканкой на херсонесском монетном дворе специального парадного выпуска монет (З.Т.ХХV, №№ 10) типа квадрига-воин (Табл.1, № 5)³⁷.

С подчинением земель Северо-Западного Крыма, Херсонес завершает оформление границ государства и с этого момента начинается совершенно новый этап в его истории. В этот период окончательно осуществляются землеустроительные мероприятия по организации территории всего пространства Гераклеидского полуострова и превращения этой части херсонесской хоры в крупнейший в Северном Причерноморье район виноградарства и развития на его основе товарного виноделия. С этого времени четко определены не только государственные границы Херсонеса, но и его территориальные владения³⁸, а его экономика стремительно и бурно развивается. Херсонесское государство вступает в период своего наивысшего расцвета, продлившись около половины столетия - вплоть до конца первой трети III века до н.э.

Примечания

1. Шелов Д.Б. *Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество*. М., 1967. С. 219-225; Брагинский И.Б. *Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья*. ВДИ, 1970. № 2. С. 129-137.
2. В последнее время ряд исследователей настойчиво внедряют в практику использования совершенно новый термин "территориальное государство или территориальный полис" (см. например: Шелов А.Н. *Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община*. Л., 1986. С. 166-171; Виноградов Ю.Г., Шелов А.Н. *Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С.310-371). На наш взгляд, этот термин не вполне уместен. Трудно себе представить государство без территории, когда речь идет не о политической организации, а о пространственных владениях государства. В этой связи, вероятно, есть необходимость провести специальное терминологическое исследование, которое бы объяснило как значение предлагаемого термина, так и случаи его применения, либо выработать новый термин, точно обозначающий явление, за ним стоящее.
3. Шелов Д.Б. *Феоодия, Гераклея и Спартоклада*. ВДИ, 1950. № 3. С.168-174.; Сапрыкин С.Ю. *Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический*. М., 1986. С. 70-79; Золотарева М.И. *Два типа редких монет Феоодии IV в. до н.э.* ВДИ, 1984. № 1. С. 89-92.
4. Barstein S. *The War between Heraclea Pontica and Leucou I of Bosphorus*. *Historia*, 1974. Bd.23, H.4. P.406-411. *Справедливую критику отдельных положений Берштейна см.: Сапрыкин С. Гераклея Понтийская и Таврический Херсонес*

- before roman domination (VI-I centuries B.C.)*. Amsterdam, 1997. P. 93-95.
5. Гиризон О.В. Новые данные про сельскую округу античной Феоидии. *Археология*, 1998, № 1. С.105-117.
  6. Гиризон О.В. Сельская округа Феоидии в V-II ст. до н.э. Автореферат канд. дис. Київ, 1999. С.6.
  7. Гиризон О.В. Сельская округа Феоидии... С.13; 19.
  8. Миренко К.К. Ойкеты окрестя в честь Протогена (12, 32). К вопросу о зановом населении Оввии эллинистического времени // *Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья*. Тбилиси, 1985. С.242-256.
  9. Фролов Э.Д. Тераксовые маршандины (К проблеме взаимопонимания греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 1981. С.22-33; Сапрыкин С.Ю. Полисы и местное население южного Причерноморья в античности и классическую эпоху: Тераксы и маршандины // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 1981. С.9-22; Шеллов А.И. Тирры и греческие колонии в Таврике // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 1981. С.204-218.
  10. Виноградов Ю.Г., Кратинина В.В. Оввия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995. С.69-78; Vinogradov J.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S.515-525.
  11. Шеллов-Ковалев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1985. С. 122.
  12. Чистов Д.Е. Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. // *Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции*. СПб., 1998. С.136-138.
  13. Чистов Д.Е. Западные окраины Мирмекия во второй половине V - первой половине III в. до н.э. // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. СПб., 1999. С.118-119.
  14. Издание благодарен С.Б.Лаврову, познакомившему меня с материалами его новейших археологических исследований на этом памятнике и любезно позволившему мне их использовать в данной работе.
  15. Vinogradov J.G. Ovia und Vorposten im frühesten 4. Jhr.v.Chr. im Lichte eines neugefundenen Arbeitssitters. In: *Pontische Studien*. Mainz, 1997. S.519-520.
  16. Кач В.И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // *Античный мир и археология*. Саратов, 1979. С. 176-191.
  17. Сенаторов С.И. О керамике с греческими орнаментами из Херсонеса // *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса*. Севастополь, 1988. С.99-100.
  18. Янколов В.П. Архитектурная Греция // *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т.1. М., 1983. С.154, прим.60; Кутайсов В.Б. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкиштыды // *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев, 1987. С.37.
  19. Сивелд О.Я. О керамике с архаичными орнаментами из Херсонеса. // *КСИА АН СССР*, вып. 124, М., 1970. С. 48-50.
  20. Varsiin S. Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea of the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 60.
  21. Chichegoff A. Polés et chora. Cité et territoire dans le Pont-Euxin. Paris, 1992. P. 102.
  22. Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 22-33.
  23. Шеллов А.И. Основные структурные элементы античной межовой системы на Мачино полуострове (юго-западной Крым) // *История и археология юго-западного Крыма*. Симферополь, 1993. С. 29-33.
  24. Шеллов А.И. "Старый" Херсонес Страбона. Закрепление на перешейке Мачино полуострова: топография и фортификация // *Проблемы истории и археологии Крыма*. Симферополь, 1994. С. 8-42.
  25. Шеллов А.И. "Старый" Херсонес Страбона. Закрепление на перешейке Мачино полуострова: III. Следы архаического населения и первые Кизилчей бухты // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. I. Симферополь, 1997. С.42-54.
  26. Жеребцов Е.И. Новые данные к истории Херсонеса IV-I вв. до н.э. // *КСИА АН СССР*, вып. 145, М., 1976. С. 17.
  27. Кутайсов В.А. *Античный город Керкиштыды*. Киев, 1990. С.24 сл.
  28. Золотарев М.И. Херсонес и Оввия в конце VI-V в. до н.э. Автореферат канд. дис. Л., 1986. С.8; Шеллов А.И. Оввия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // *Проблемы исследования Оввии*. ТПК. Парутино, 1985. С. 84-86.
  29. Saprykin S. Penacles Pontica and Tauric Chersonesus. P. 122-123.
  30. Seglio A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (feuilles de 1969-1985) // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1987, №13. P.244-247.
  31. Бидский С.Б. К проблеме территориальных владений ольвийского полиса в IV в. до н.э. // *Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект*. ТПК. Севастополь, 1997. С.18-19.
  32. Золотарев М.И. Взаимопонимание Оввии и Херсонеса в V-II в. до н. э. по нумизматическим данным // *Древнее Причерноморье*. ТПК. Одесса, 1989. С.30-31.
  33. Seglio A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I. P.246.
  34. Кутайсов В.А. Керкиштыды. Симферополь, 1992. С.82-83.
  35. Дюванский Я.В. К предистории Херсонеса Таврического. АМА, вып. 2, Саратов, 1974. С.44-46.
  36. Палеон А.М. Кизил-кобинский клад херсонесских монет IV-III вв. до н.э. // *Нумизматика и эпиграфика*, вып. VIII, М., 1970. С.6-7.
  37. Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*, СПб. Кушнев, Одесса, 1999, №3. С. 116-144.